

— Недоучка, — с наигранной театральностью пробормотал он.

Выпали выходные, и Дин Ханьбай, вопреки обыкновению, встал не к полудню. Дин Яньшоу собирался проводить для своих учеников занятие, но, пока остальные четверо собирались, Дин Ханьбай уже успел доехать на машине до антикварного рынка.

На нем были темные очки, брюки от костюма отглажены до идеальных стрелок, а на запястье поблескивали швейцарские часы. Подобный лоск — лучшая приманка для продавцов: словно на нем самом было написано — денег куры не клюют, полный профан, обвести вокруг пальца проще простого.

Внешне он казался праздношатающимся, но за стеклами очков его глаза работали как сканеры. В голове стоял образ той самой селадоновой вазы, и он был готов прочесать весь рынок, чтобы найти её. Он пол-ночи размышлял: уж больно знакомой показалась ему та ваза, вполне возможно, что она из той же партии.

Артефакты, поднятые со дна океана, обычно встречаются сериями, так что вряд ли она была в единственном экземпляре.

На выходных народу было не протолкнуться, рынок оказался забит до отказа. Дин Ханьбай покрутился там несколько раз, но так и не увидел никаких подозрительных личностей. Он свернул в узкий переулок: там было так тесно, что те, кто сидел, торгуя, и те, кто сидел, приглядываясь к товарам, перекрывали проход — ступить было некуда.

В самом конце переулочка, в тени, сидел старик в темных очках. Перед ним на старой фуфайке стояла та самая селадоновая ваза. Дин Ханьбай, заметив её, не стал подходить сразу, а для вида поклонился у других лавок, потянул время и лишь потом дошел до конца.

Он снял очки:

— В тени, а всё равно в очках?

— Глаза болят, не люблю свет, — ответил старик. Этим стариком был Чжан Сынянь.

Дин Ханьбай одернул брюки, присел на корточки и взял вазу в руки. Он и без того не отличался добрым выражением лица, а сейчас и вовсе помрачнел. Однако внешнее спокойствие скрывало внутри бушующий шторм.

У него не было фотографической памяти, но вчера он видел вещь Чжан Иня, и забыть её не мог. Даже если они из одной партии, не могут же следы от морских червей располагаться в точности на одних и тех же местах?

Чжан Сынянь вытащил самокрутку и закурил, ожидая вопросов — молчание в этой среде само по себе было ответом. Дин Ханьбай будто онемел, вертел вазу в руках, разглядывая её со всех

сторон. Он был в замешательстве: вещь Чжан Иня напоминала грудю черепков у них дома, а эта ваза в его руках была точной копией той, что он видел вчера.

Кто-то из прохожих тоже хотел взглянуть на товар, но он не отдавал её, сразу спросив:

— Сколько?

Какой продавец не любит богатых покупателей? Чжан Сынянь поднял три пальца: тридцать тысяч.

Дин Ханьбай не стал торговаться, а спросил:

— Из Чжэцзяна приплыла?

Слово приплыла выдавало его осведомленность о том, что вещь была в воде, а вопрос про Чжэцзян, а не про Фуцзянь, был уловкой, чтобы вывести истинное происхождение.

Чжан Сынянь посмотрел на него поверх очков — внимательно, по-настоящему — и ответил:

— Из Фуцзяни.

Дин Ханьбай больше не колебался:

— Заворачивайте, я за деньгами.

Банк был рядом, он снял нужную сумму, и сделка состоялась. Уходя, он заметил, что Чжан Сынянь улыбается ему — не той довольной улыбкой, что бывает после удачной продажи, а какой-то... словно не в силах сдержаться.

Дин Ханьбай решил ответить тем же:

— Я из городского музея.

Чжан Сынянь не смутился:

— А я старьевщик.

— Ну, тогда в этом месяце можешь не суетиться, тридцати тысяч на жизнь хватит, — сказал Дин Ханьбай. — А мне нельзя, мне еще на работу надо.

Он сел в машину и поехал напрямик в музей. Используя старые связи с экспертом по каменным рельефам эпохи Хань, он упросил директора помочь с экспертизой вазы. Отправить на проверку было несложно, но результатов пришлось ждать два дня. Забрав вазу, он вернулся домой.

Всё верно, Дин Ханьбай выложил тридцать тысяч, но не был до конца уверен в подлинности.

Чжан Инь за поездку в Фуцзянь смог привезти лишь обломки доньев, а столь целые предметы должны были остаться в самой провинции для выставок. Даже если кто-то нашел лазейку и купил одну, как она могла оказаться за тысячи километров всего за два месяца?

Ему нужно было привезти её домой и хорошенько изучить. А одного изучения мало, вот и пришлось пойти на поклон, чтобы сделать профессиональный анализ.

Дин Ханьбай приехал домой, но там никого не было — все ушли с Дин Яньшоу в Юй Сяоцзи. Он прошел в кабинет, поставил вазу на стол и принялся внимательно сравнивать её с книгой Как горы и моря.

Время шло, а мысли путались.

Послышались голоса, приближавшиеся к дому. Цзи Шэньюй и Цзян Тинэнь вернулись, каждый сжимая в руках по табакерке. Паутина сомнений в голове Дин Ханьбая рассеялась, он решил отдохнуть и посмотреть, чему они так радуются.

Все трое собрались в галерее. Цзян Тинэнь затараторил:

— Старший брат, дядя велел нам вырезать табакерки. Я выбрал камень с электрическим узором, вырезал двух голубей, играющих с собакой.

Дин Ханьбай взглянул:

— На нашего старого Хуана похожа?

— Правда же! — Цзян Тинэнь был и рад, и опечален. — Старого Хуана уже год как нет, я так скучаю, что пока резал, даже расплакался.

Чувство вышло глубоким, работа получилась живой, Дин Яньшоу даже похвалил его.

Дин Ханьбай посмотрел на Цзи Шэньюя:

— А у тебя что?

Цзи Шэньюй протянул свою работу — нефритовую табакерку с резной иволгой, любующейся луной. Он подошел к Дин Ханьбаю:

— Красиво?

Дин Ханьбай промывчал что-то в ответ, долго вертел её в руках, не отдавая назад, а Цзян Тинэнь всё болтал о том, о сём, но Дин Ханьбай его почти не слушал.

— Старший брат, дядя сказал, что ты не должен лениться, — вспомнил Цзян Тинэнь. — Материал тебе принесли, нужно сдать работу.

Цзи Шэньюй, услышав это, достал из кармана кусок белого нефрита:

— Учитель велел мне выбрать для тебя, белый нефрит — беспроегранный вариант.

Позже Цзян Тинэнь ушел искать Цзян Цайвэй, и в галерее остались только Дин Ханьбай и Цзи Шэньюй. Цзи Шэньюй, проведя весь день на улице, хотел пойти переодеться, но, повернувшись, увидел распахнутое окно кабинета и вазу, стоявшую на столе.

Он замер, бросился к подоконнику, вглядываясь. Эта ваза? Невозможно! Цзи Шэньюй влетел в кабинет, чем напугал Дин Ханьбая. Подбежав к столу, он убедился окончательно: те же следы грязи, те же желтые пятна... Это была та самая вещь, которую он три дня и две ночи не выходил из мастерской, создавая!

Дин Ханьбай удивленно спросил:

— Чего ты так разволновался?

Цзи Шэньюй не мог поверить:

— Откуда эта вещь?

— На антикварном рынке купил, сегодня утром. — Дин Ханьбай не стал вдаваться в подробности и не сказал, что думает о подлинности. Но Цзи Шэньюй уже изменился в лице, что еще больше озадачило Дин Ханьбая.

— Старший брат... — спросил Цзи Шэньюй, — за сколько купил?

Дин Ханьбай ответил сухо:

— Тридцать тысяч.

Цзи Шэньюй чуть не закричал:

— Тридцать тысяч?!

Он не просто сделал вазу, он совершил преступление!

Цзи Шэньюй всю ночь ворочался, уснул лишь под утро, но сон был беспокойным, один за другим приходили кошмары.

Ему снилось, что он вернулся в Янчжоу. Дин Ханьбай кричал, что хочет посмотреть сады, и тащил его за собой. Они бежали долго, остановились под каменным мостом, и Дин Ханьбай отпустил его, чтобы взойти на мост в одиночку.

На мосту торговали всякой мелочью и едой, но один продавец выделялся — он торговал изделиями Тан Саньцай. Дин Ханьбай подошел прямо к нему, словно нашел сокровище, взял в руки трехцветную лошадь и спросил цену.

Цзи Шэньюй тут же сказал:

— Старший брат, давай лучше на лодке покатаемся?

Дин Ханьбай не слушал его, с восторгом разглядывая пеструю лошадь:

— Беру, упаковывайте.

Цзи Шэньюй потянул его за рукав, прошептал:

— Зачем ты покупаешь эту грубую подделку? Если хочешь что-то стоящее, я попрошу учителя подарить тебе.

Дин Ханьбай покосился на него:

— Ты ничего не понимаешь, это же Тан Саньцай, я могу отличить подделку от оригинала.

Цзи Шэньюй не мог его остановить, его оттолкнули в сторону. Он смотрел, как Дин Ханьбай достает деньги, думая, что пусть это будет уроком. Но карман у Дин Ханьбая был бездонным, пачка за пачкой, у Цзи Шэньюя в глазах рябило.

— Постой! — он подбежал к продавцу. — Сколько стоит?

Продавец ответил:

— Тридцать тысяч.

Цзи Шэньюй схватил Дин Ханьбая за руку:

— Ты с ума сошел?!

Дин Ханьбай оттолкнул его, отдал деньги и, обнимая лошадь, ушел с моста. Цзи Шэньюй поплелся следом, ноги подкашивались, он чуть не свалился в реку. Внезапно он оказался дома и увидел Цзи Фансюя в саду, пишущего на веере.

— Учитель... — позвал он.

Цзи Фансюй поднял голову и поманил его к себе. На веере была нарисована ветка персика. Кисть оказалась у него в руках, учитель велел ему писать, и он вывел: Персики всё так же улыбаются весеннему ветру.

Цзи Шэньюй застыл:

— Учитель, кажется, я так давно вас не видел.

Цзи Фансюй взмахнул веером, чтобы краска высохла:

— Не похоже, чтобы ты скучал, где ты пропадал?

Цзи Шэньюй вдруг вспомнил:

— Я ходил с Дин Ханьбаем, он купил за тридцать тысяч фальшивую лошадь Саньцай, что же теперь делать? — Он потряс Цзи Фансюя за плечо. — Дядя Дин не рассердится? Не обвинит меня в том, что я не уследил? Я не смог его остановить, не знал, что он такой глупый.

Цзи Фансюй утешил его:

— Давай подменим её на настоящую, хорошо?

Цзи Шэньюй тут же согласился, помогая учителю идти к комнате. Пройдя часть пути, он вспомнил, что забыл веер, и вернулся. Но когда он обернулся, Цзи Фансюя и след простыл, ни звука, ни тени.

— Учитель... — позвал он.

Звал, когда видел, звал, когда прощался, не понимая, что было правдой — встреча или этот момент.

Цзи Шэньюй проснулся в холодном поту, из окна дул ветер, от которого его била дрожь. Сон был нелепым и мучительным, он забыл про покупку лошади, в голове звучали лишь слова Цзи Фансюя: Не похоже, чтобы ты скучал.

Неужели Цзи Фансюй винит его?

Так и наступило утро. Цзи Шэньюй с темными кругами под глазами сложил одеяло, подмел комнату, полил цветы и протер перила в коридоре. Закончив, он сел, сжимая в руке мокрую тряпку, с которой капало на пол.

Дин Ханьбай вышел из комнаты:

— ...Я уж подумал, ты описался.

Все мысли прервались. Цзи Шэньюй отложил воспоминания о Цзи Фансюе, в голове снова всплыл дурак с лошадью. Он потащил Дин Ханьбая в кабинет, указал на вазу:

— Как выглядел тот, кто тебе её продал?

Дин Ханьбай потер глаза:

— Старик.

Старик? Цзи Шэньюй засомневался, неужели тот мужчина так быстро перепродал её? Дин

Ханьбай стряхнул его руку:

— Тебе нравится? Вчера ты так странно на неё смотрел.

Цзи Шэньюй не мог объяснить:

— Старший брат, зачем ты потратил тридцать тысяч на это? Ты уверен, что это не подделка?

— Долгая история, лень рассказывать, — ответил Дин Ханьбай. Он пошел умываться, но Цзи Шэньюй преградил ему путь, глядя с такой мольбой, что Дин Ханьбай снова ничего не понял.

— Хорошие дети не стоят на дороге, отойди.

Цзи Шэньюй обнял его, словно пытаясь разнять драку:

— Старший брат, не ленись, расскажи мне, пожалуйста.

Дин Ханьбай опустил взгляд, встретившись с глазами Цзи Шэньюя. Озадаченный, он с силой оттолкнул его и вышел из кабинета. Умывшись, он взял лейку, чтобы полить цветы, и заметил, что сирень уже полита. Подняв голову, он увидел Цзи Шэньюя, стоящего в коридоре, печального, как Линь Дайюй.

Пришлось сдаться:

— Эта штука похожа на те обломки, что я приносил раньше, но происхождение сомнительное, вот я и купил, чтобы рассмотреть. Сейчас я думаю, что это подделка, я уже отправил её на экспертизу, жду результатов.

Цзи Шэньюй спросил:

— Какая экспертиза? Эксперты?

— Конечно нет, это дело как азартная игра, эксперты тоже ошибаются. Экспертиза — это приборы, например, высокоточный колориметр, он может распознать места реставрации.

Цзи Шэньюй почувствовал, как сердце ушло в пятки, словно его поймали на жульничестве. Ему стало любопытно:

— Значит, сотрудники всегда знают правду и могут озолотиться?

Дин Ханьбай рассмеялся:

— Как можно? Такие проверки проводят только для государственных ценностей, например, для новых поступлений в музеи, без разрешения это невозможно. Я договорился с директором, подписал гарантийное письмо, пообещав, что если вещь настоящая, я передам её музею для выставки вместе с остальными артефактами. Только так это удалось повернуть.

Цзи Шэньюй кивнул. Он уже знал результат, но не выдержал:

— А если подделка?

— Ну, значит, не повезло, — небрежно бросил Дин Ханьбай.

Цзи Шэньюй снова спросил:

— А ты не злишься на того, кто её подделал?

Дин Ханьбай не успел ответить, пришла Цзян Цайвэй звать завтракать, и разговор прервался.

Цзи Шэньюй не мог есть, он мешал кашу в тарелке, пока та не стала совсем жидкой, а потом через силу проглотил. После завтрака он остался в гостиной, ему было стыдно смотреть в глаза Дин Ханьбаю. Он сделал ту вещь ради денег, деньги — чтобы купить подарок Дин Ханьбаю, а в итоге подарок не удался, да еще и Дин Ханьбай потерял тридцать тысяч.

Рядом с телевизором лежал календарь. Он уставился на него, оцепенело осознав, что лето почти закончилось, и вдруг вспомнил, что сегодня... Сегодня выписывают Лян Хэчэна.

В палате освободилось место. Лян Хэчэн стоял в коридоре со старой сумкой, пряча правую руку — боялся, что кто-то увидит лишний палец. Потоптавшись, он увидел в конце коридора бегущего человека и тут же забыл обо всём, радостно замахал правой рукой.

Цзи Шэньюй подбежал:

— Дедушка, я чуть не забыл.

Лян Хэчэн сказал:

— Ничего, я ждал тебя.

Цзи Шэньюй спросил:

— А если бы я не пришел, ты бы зря прождал?

— Значит, судьба такая, — ответил старик.

Цзи Шэньюй помог ему дойти до больничного сада и остановился:

— Дедушка, я помог тебе, но это не значит, что я такой уж святой. Просто мне хватает на еду и кров, поэтому сострадание перевешивает жажду денег. Если бы на мне лежала ответственность за всю семью, я бы, возможно, не помог.

Лян Хэчэн не ожидал такой откровенности, но, как бы там ни было, помощь была оказана.

— Судьба — это не только то, что ты помог мне, — сказал Лян Хэчэн. — В прошлый раз ты сказал, что получил деньги за сделанную селадоновую вазу, верно?

Лучше бы он не спрашивал. Цзи Шэньюй с горечью рассказал о нелепой истории с обратной

покупкой вазы. Старик рассмеялся.

— Ты сделал доброе дело, проводи меня домой, а?

Делать было нечего, и Цзи Шэньюй проводил его до дома 25 в переулке Мяоань. Старик попросил подождать у входа. Цзи Шэньюй сидел на облезлом трехколесном велосипеде, а через десять минут Лян Хэчэн вынес картонную коробку.

— Это тебе, в ответ.

Цзи Шэньюй замахал руками:

— Зачем мне твои вещи? Не надо.

Лян Хэчэн насильно сунул ему коробку:

— Ты помог мне, я помогу тебе, так всё и работает. — Не дожидаясь ответа, старик скрылся за дверью и прикрыл её. — Оставь себе, продай или подари — неважно, у всего есть своё предназначение.

Дверь со скрипом закрылась. Цзи Шэньюй стоял с коробкой, а выйдя из переулочка на ветер, окончательно запутался. Вернувшись домой, он, как вор, прокрался в свою комнату, закрыл окно, запер дверь и открыл коробку.

Внутри были тряпки и пенопласт, в старых газетах лежала вещь высотой тридцать с лишним сантиметров — ваза. Цзи Шэньюй чувствовал себя как жених в первую брачную ночь, осторожно снимая слои бумаги, боясь порвать, но отчаянно желая увидеть.

Когда вещь показалась целиком, он обессиленно рухнул на стул.

Тот же цвет селадона, теплый и нежный на ощупь, на поверхности — сотня иероглифов долголетия, выполненных тушью. И подпись: Копия древности от У Цзи Цзюйши. Цзи Шэньюй вытер пот. У него не было уверенности, чтобы определить подлинность, он вспомнил про Дин Ханьбая, но тот уже купил подделку за тридцать тысяч, доверия к нему не было.

Просидев в комнате несколько часов, Цзи Шэньюй вспомнил слова Лян Хэчэна: ты помог мне, я помогу тебе. Его двадцать три тысячи помогли Лян Хэчэну, значит, эта вещь тоже должна стоить не меньше.

Но если у Лян Хэчэна была такая ценная вещь, почему он не продал её, чтобы оплатить лечение?

Вопросы множились. В этот момент шаги за дверью заставили его очнуться. Он вышел и увидел Дин Ханьбая, который принес результаты экспертизы.

— Старший брат, что в отчете?

Дин Ханьбай ответил прямо:

— Подделка.

Ему показалось, что Дин Ханьбай улыбается.

— Тогда чему ты радуешься?

— Хотя ваза — подделка, сами черепки — настоящие античные фрагменты, разве это не забавно? — Дин Ханьбай вошел в кабинет.

Цзи Шэньюй подумал: разве это забавно?

Он вспомнил утренний сон, слова Цзи Фансюя про подмену. Его осенило. Он схватил вазу и побежал в кабинет. Больше никаких сомнений — он подарит эту вазу Дин Ханьбаю.

Дин Ханьбай, увидев его, уставился на вазу.

— Старший брат, я хочу тебе кое-что подарить. — Цзи Шэньюй рассказал, что это награда за помощь старику. — Я не мастер определять подлинность, но вижу, что эта ваза лучше той. Подделки тоже бывают разные, даже если это фальшивка, она стоит не меньше, прими её.

Дин Ханьбай спросил:

— Тебя отблагодарили, почему ты даришь это мне?

Цзи Шэньюй взял в руки селадоновую вазу:

— Можно я обменяю её на эту? Ты подарил мне янтарную подвеску, я хочу отплатить тебе подарком.

Дин Ханьбай говорил, но взгляд его не отрывался от вазы. Он достал из шкафа каталог и вдруг спросил:

— Хочешь знать, настоящая она или нет?

Фотография в каталоге совпадала с вазой: Ваза с узором Сто долголетья, тушь по глазури цвета зеленый боб, середина династии Цин. Дин Ханьбай обнял Цзи Шэньюя:

— Раз подарил, значит, я волен распоряжаться ею, не пожалеешь?

Цзи Шэньюй кивнул. Как распоряжаться? Продать. Лян Хэчэн сказал, что это не имеет значения, значит, и ему всё равно.

Получив согласие, Дин Ханьбай завернул вазу в газету и ушел. Снова рынок Даймао, снова тот же переулок. Он просидел там до темноты, многие подходили, спрашивали, но он не отвечал и

не продавал. Продавцы вокруг не понимали, что он задумал.

Он взял отпуск и три дня подряд торговал в переулке. На третий день в полдень перед ним возникли старые матерчатые туфли, он поднял голову и улыбнулся:

— Вот это совпадение.

Места поменялись. Чжан Сынянь присел:

— Ты не похож на антиквара.

Дин Ханьбай ответил:

— А ты — на старьевщика.

Чжан Сынянь снял очки, его слепой глаз открылся под солнцем. Он взял вазу, осмотрел её — рука как линейка измеряла форму и размеры.

— Это клеймо Тан Ина, его начали использовать со времен правления Юнчжэна.

Дин Ханьбай кивнул:

— Хорошая вещь, дешевле не отдам.

Чжан Сынянь спросил:

— Как насчет обмена?

В их кругах это было принято: многие коллекционировали до безумия, а денег не всегда хватало, поэтому менялись на равноценные вещи.

Дин Ханьбай погладил запястье:

— Мне нужны только деньги, на швейцарские часы.

Он был непреклонен. Через два дня Чжан Сынянь принес деньги — десять пачек по десять тысяч. Они вышли из переулка, сцена повторилась, как в тот день. Прощаясь, они посмотрели друг на друга, и Дин Ханьбай вдруг рассмеялся. Не от радости получения денег, а просто не смог сдержаться.

Чжан Сынянь прищурил слепой глаз:

— А та селадоновая ваза — оставил себе или продал?

Дин Ханьбай сказал:

— Подделка неплохая, оставлю цветы ставить.

Тот, кто нашел редкую вещь, победил, и даже при личной встрече нельзя злиться, можно только смириться. Чжан Сынянь рассмеялся, обмахиваясь фуфайкой:

— Неплохая? Это же фальшивка, которую видно с первого взгляда, просто у тебя мастерства не хватило.

Дин Ханьбай подошел ближе:

— А эта — настоящая, без обмана.

Они разошлись. Дин Ханьбай даже не пошел в банк, вернулся домой с рюкзаком, полным денег. В маленьком дворике было тихо. Проходя мимо окна кабинета, он остановился и увидел, что Цзи Шэньюй склонился над столом, делая уроки.

<http://bllate.org/book/19144/1880221>